Давлетшина Анна Маратовна

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ОПЫТА В ФИЛОСОФИИ И ТЕОРИИ ПРАВА

В данной статье рассматривается произошедший в XX веке поворот к опыту в связи с включением в научный дискурс новых объектов - феноменов сознания. Целью статьи является рассмотрение неклассического понимания опыта и правового опыта, представленного в феноменологии Э. Гуссерля и феноменологии права Н. Н. Алексеева. Выявлена новая феноменологическая интерпретация опыта в философии и в праве как опыта сознания (внутренний опыт Я, интенциональные акты, ценности) и как опыта взаимодействия с другими Я (жизненный мир, признание, правопорядок), который дается нам через переживание.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 70-73. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 165.62
Философские науки

В данной статье рассматривается произошедший в XX веке поворот к опыту в связи с включением в научный дискурс новых объектов – феноменов сознания. Целью статьи является рассмотрение неклассического понимания опыта и правового опыта, представленного в феноменологии Э. Гуссерля и феноменологии права Н. Н. Алексеева. Выявлена новая феноменологическая интерпретация опыта в философии и в праве как опыта сознания (внутренний опыт Я, интенциональные акты, ценности) и как опыта взаимодействия с другими Я (жизненный мир, признание, правопорядок), который дается нам через переживание.

Ключевые слова и фразы: опыт; правовой опыт; феноменология; интенциональность; переживание; жизненный мир.

Давлетшина Анна Маратовна
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
davletshina.anna@gmail.com

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ОПЫТА В ФИЛОСОФИИ И ТЕОРИИ ПРАВА

Понятие «опыт» является одним из наиболее широко используемых категорий в современной теории познания. Пытаясь ответить на вопросы «Как мы познаем?», «Что есть знание?», «Откуда мы знаем, что есть что-то помимо нашего Я?», мы неизбежно задаемся вопросом, что представляет собой опыт, эмпирическое и теоретическое познание, эксперимент и т.д. К проблематике опыта обращались на протяжении всей историко-философской мысли: в античной философии – как к одному из источников истинного знания, в средневековой религиозной философии – в качестве опыта божественного откровения, в рационалистической философии Нового времени опыт трактовался как эмпирическое знание или опыт сознания и т.д. Но, несмотря на пристальное внимание к опыту, приходится констатировать, что он является одним из наиболее сложных и трудноуловимых понятий как в философии, так и в теории права. В частности, Г. Д. Гурвич сравнивал его с древнегреческим чудовищем Протеем, который исчезал при попытке схватить его: «он (опыт) ускользает от нас, когда мы думаем, что поймали его, мы глупцы, если думаем, что проникли в его секреты, мы его пленники, если считаем, что свободны от него хотя бы на миг» [2, с. 16].

XX век интересен тем, что он изменяет отношение к опыту, добавляя в него новые элементы. Во многом это связано с необходимостью включения в научный дискурс явлений сознания. В отличие от концепций опыта классической рациональности, где основанием практически каждой теории была объективность (в виде идеи, разума, духа и т.д.), неклассические теории опыта больше напоминают хаос. Но, несмотря на этот «хаос», именно в данных концепциях раскрываются сущностные характеристики опыта.

Одна из наиболее сильных трактовок опыта представлена в рамках феноменологии, представителями которой в философии являются Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, И. Бинсвангер и т.д., а в теории права – Н. Н. Алексеев, Г. Д. Гурвич, А. Райнах и др. Феноменологический подход выступил своеобразной реакцией на позитивизм в философии и праве, т.к. последний не мог в полной мере объяснить получение опытного знания в социально-гуманитарных науках и, более того, объяснить психические и духовные элементы. Э. Гуссерль в статье «Введение к лекциям по феноменологической психологии» отмечает несостоятельность эмпирической (позитивной) психологии. Он пишет, что психология, стремящаяся к строгости, к «элементарному строению и к объяснению из элементарных законов» [3, с. 190], к работе только с такими психологическими проблемами, которые созрели для научной проработки и для которых образованы необходимые понятия опыта, по сути, выпустила из своего поля зрения многие факты психической жизни, вызвав тем самым определенную реакцию, которая восходит к В. Дильтею и к новой феноменологии. Данную психологию Гуссерль упрекал в том, что она оказалась слепа к сущности психической жизни, к сущностным формам специфического духовного (Geistigkeit) как интенционально действующего духовного образования. Для него феноменология – это наука о сущностях, а не о фактах. Она имеет дело с сознанием, со всеми видами переживаний, с актами и их коррелятами.

В рамках феноменологии опыт представляет собой *опыт другого* (жизненный мир, интерсубъективный мир других Я) и *опыт сознания* (интенциональный, внутренний опыт, созерцание, мое Я). Опыт сознания представлен в исследованиях Э. Гуссерля о чистом сознании, об интенциональных предметах и актах. По его мнению, акты сознания интенциональны. Все, что входит в сознание как содержание, является интенциональным объектом, или иначе – феноменом моего сознания. Принцип интенциональности сознания можно определить как то, что любой акт сознания оказывается направленным на какой-то объект. При этом важно то, что объект, на который направлен тот или иной акт сознания, сам является составной частью этого акта в качестве объекта интенционального. В итоге наше сознание оказывается двухслойным. Первый слой – это направленность актов сознания и их интенций. А второй – представляет содержание этой направленности, объекты, на которые направлены акты сознания.

Феноменологическая работа должна быть направлена на интенциональные акты сознания. Отсюда понятно недовольство Э. Гуссерля подходом эмпирической психологии к внутреннему опыту, к феноменам сознания: «…психология, а затем и все науки о духе относятся к *психической взаимосвязи, которая непрерывно*

дана посредством внутреннего опыта. Внутренний опыт дает не набор отдельных частей (*blosses Aussereinander*), он не знает разделения частей на самостоятельные элементы. Он знает лишь *внутренне* связанные состояния – связанные в единство одной универсальной взаимосвязи, которая сама как взаимосвязь необходимым образом дана во внутреннем созерцании» [Там же, с. 192].

Для Гуссерля важно, как внешняя реальность входит в человека, воспринимается и осмысливается им. Он отмечает, что сознание в качестве своей естественной установки направлено на познание внешних предметов, вместо того чтобы направить свое познание на себя. Первые понятия и определения человек создает в наивной повседневной жизни. Эти понятия служат исходным материалом для всех последующих теоретических размышлений. Именно жизненный мир является подлинным источником теоретических понятий и любых идеальных образований, которые использует человек в своей жизни. Более того, жизненный мир является основой, источником всякого опыта, в том числе и научного.

Непосредственного прямого доступа к объективной реальности в соответствии с феноменологической установкой получить невозможно. Только через сознание мы можем выстраивать диалог с миром. Поэтому, обращаясь к вопросу «как человек познает этот мир?», к взаимодействию человека с другим, оказывается важным рассмотреть жизнь через переживание мира субъектом. Именно переживание является тем мостиком, который соединяет реальность с человеком, носителем сознания. Под переживаниями понимается все, что индивид получает в потоке своего восприятия, все актуальные и потенциальные *cogitations*. Можно выделить активные и пассивные переживания. Активные переживания осознаются человеком и оказывают на него прямое влияние. Пассивные переживания представляют собой фоновые созерцания, которые мы получаем в общем потоке переживаний: «…любое восприятие вещи обладает ореолом *фоновых созерцаний* (или фоновых смотрений, если считать, что в созерцании уже заключается обращенность к предмету), и это тоже *"переживание сознания"*, или же, короче, "сознание", причем сознание всего того, что на деле заключено в том предметном "заднем плане", или "фоне", какой созерцается вместе с созерцаемым в восприятии» [4, с. 108]. Выделение двух видов переживаний имеет определенный смысл. Переживания человека не могут состоять из сплошных «актуальностей». Субъект переживает, фантазирует, воспринимает отдельные предметы, выносит о них суждения – все это действия по отношению к чистой сущности, которая постигается нами через идеацию как идея, а не действия по отношению к переживаемому факту, иначе мы оказываемся в сфере фактической психологической взаимосвязи. Тем самым, хотя переживание является важным для выстраивания диалога с миром, оно не является той конечной формой опыта сознания, к которой мы должны стремиться. Ведь, как уже было отмечено, свое познание мы должны направить на свое сознание, а не на внешний мир.

Но все же *Я* не замкнуто на самом себе, а активно взаимодействует с миром. «Я сознаю мир, бесконечно распростершийся в пространстве, бесконечно становящийся и ставший во времени. Я его сознаю, непосредственно наглядно нахожу его – это прежде всего в опыте» [Там же, с. 89]. Благодаря различным способам чувственного восприятия вещи, находящиеся в пространстве, для нас в буквальном или образном смысле «наличны». В независимости от того, воспринимаем ли мы их особым способом, наблюдаем ли мы их или нет. Неизбежно наше познание начинается с опыта и остается в опыте. «Мир – это полная совокупность предметов возможного опыта и опытного познания, предметов, познаваемых на основании актуального опыта при правильном теоретическом мышлении» [Там же, с. 30]. Опыт, который мы приобретаем при взаимодействии с внешним миром, это опыт *мира вещей*, а также *мира ценностей и мира благ.*

Понятие «жизненный мир» напрямую связано с опытом и взаимодействием мира и человека. Науки потеряли связь с жизненным миром, что негативно отражается на них самих. По мнению Гуссерля, наука должна вернуться к жизненному миру, к горизонту дотеоретического опыта, который является основой первоначального ценностного обоснования науки. Возвращение к миру опыта, т.е. к миру, в котором мы живем, является возвращением к жизненному миру. Отрицание науки своей связи с жизненным миром выглядит абсурдно, ведь она использует идеализации, которые основываются на неупорядоченных интуициях жизненного мира.

Жизненный мир представляет мир нашего повседневного опыта, мир наивной жизни и наивной субъективности, которая предшествует научной объективности. Чтобы прийти к первоначальным очевидностям, которые находятся в жизненном мире, необходимо с помощью феноменологического анализа убрать с него все наслоения объективного, привнесенные наукой. Тогда жизненный мир раскроется как интерсубъективный мир других *Я*. «Очевидно к сущности трансцендентально конституированного во мне… мира принадлежит то, что он в силу сущностной необходимости становится миром людей, что для каждого отдельного человека он с большим или меньшим совершенством конституируется во внутренней психической сфере – в интенциональных переживаниях и потенциальных системах интенциональности, которые как составляющие душевной жизни, в свою очередь, уже конституированы как сущее в мире» [5, с. 249-250].

Можно говорить о том, что в феноменологии Э. Гуссерля опыт предстает в двух видах – как опыт сознания и как опыт другого. Объективность опыта в том виде, в каком она понималась в классической философии, оказывается неважной в рамках феноменологической традиции, т.к. из нее выпадает человек с его субъективными переживаниями. С обращением к проблематике природы человека, к изучению сознания меняется и отношение к тем понятиям, которые его сопровождают. Очень хорошо это видно именно на примере опыта. Классическая трактовка опыта в качестве эксперимента или результата чувственного познания не исчезла. Но она перестала претендовать на абсолютность. Если мы хотим в полной мере раскрыть сущность человека, то мы должны принять тот факт, что опыт амбивалентен. Опыт не только объективен, но субъективен в качестве опыта сознания.

В теории права в XX веке наблюдалась подобная переориентация с объективного мира права в виде норм и законов на правового субъекта. Несмотря на огромную силу юридического позитивизма и влияние на другие правовые школы, приходило понимание, что право – это не только законы и нормы, но также переживания и эмоции правового субъекта на проявления справедливости и несправедливости. Подобно тому, как в философии произошло расширение понимания опыта, то же самое происходит и в теории права. Это правомерно как для феноменологии права, так и для позитивизма впоследствии, который не мог уже игнорировать факты психической жизни.

Феноменологическая теория права является одним из наиболее интересных подходов, в котором раскрывается сущность правового опыта. Наиболее полно феноменологический взгляд на право представлен в работах русского правоведа Н. Н. Алексеева. Выбор в пользу феноменологии был осуществлен им неслучайно. «Феноменология, – пишет Алексеев, – открывает перед нами новый мир духовных предметов… По нашему мнению, феноменология не есть философия, но род особого точного знания об идеях, о всеобщих отношениях» [1, с. 38-39]. Он надеялся, что с помощью феноменологии сможет исследовать право научно, но при этом избежит излишней рационализации правовой действительности, т.к. исследовать правовые феномены сознания он будет с помощью феноменологической редукции.

В «Основах философии права» он выстраивает определенную систему, где в отличие от классических позитивистских теорий основой являются такие темы, как субъект права, ценность в праве, идеал правоотношений. При этом субъект права не просто участник правоотношений, он должен обладать духовной природой, в которой доминируют религиозно-нравственные начала. Право и нравственность для него неотделимы друг от друга. В этом плане человек в качестве субъекта права является онтологическим основанием права как носитель смысла права, который может совершать акты признания.

Основным вопросом для Н. Н. Алексеева является то, как мы приходим к первоначальному понятию права. Разумеется, с помощью чувственного опыта или индуктивных операций мы не придем к этому пониманию. Но в то же время с помощью непосредственного созерцания мы также не найдем первоначальное понятие права.

Право является некоторой направленностью нашего сознания. Значит, мы можем определить его в сравнении с другими основными направленностями нашего сознания. По аналогии с другими явлениями сознания можно говорить о том, что должна существовать особая область правовых фактов как некоторых первоначальных правовых данностей. Но что же представляют собой эти правовые факты? Где их следует искать и как они возможны? И. А. Покровский определял право и правовой факт следующим образом: «Право есть некоторая социально-психическая сила, регулирующая поведение людей; оно есть некоторое состояние общественного сознания и общественной воли, заключающее в себе психическое принуждение индивида к известному поведению. Как явление социальной психологии, право является, таким образом, несомненной реальностью, фактом эмпирической действительности, частью из “мира сущего”» [7, с. 32]. Следует ли нам понимать правовой факт как явление эмпирической действительности? Или можно, как считает Н. Н. Алексеев, в определении правового факта обратиться к правовому эмоционализму, в котором идея факта понимается как первоначальная данность? Определение правового факта через эмпирию нас не приближает к пониманию права. Нужно обратить внимание на чисто отрицательную формулировку – «нет и не может быть какого-нибудь непосредственного созерцания права, никакого правового чувства, правосознания или правовой совести. Непосредственно нам даны только *переживания неправа*, которые воспринимаются не отвлеченно, но “мгновенно”, “как чувство”, как конкретное, доступное созерцанию переживание» [1, с. 61]. Данное чувство возникает тогда, когда воля одного индивида входит в область утверждения другой воли. Этот процесс по своей сущности является страдательным как для претерпевающего, так и вторгающегося. Через переживание мы получаем *опыт взаимодействия* с правом, *опыт другого* правового субъекта.

Многообразие правовых явлений, с которыми сталкивается субъект права, не является хаотичным. Различные виды явлений взаимодействуют друг с другом, образуя некоторое подобие логической структуры. Именно она и составляет наибольший интерес для него. Как отмечает М. И. Пантыкина, для Н. Н. Алексеева «правовая структура фактически представляет собой модель познания права» [6, с. 50]. Указание на этот момент можно найти в следующем высказывании правоведа: «Нет ничего удивительного, что феноменологическая структура права предстает перед нами как некоторое многообразие, как единство нескольких измерений, подобное единству пространства, измерения которого представляются, в конце концов, некоторыми основными данностями, определяющими его структуру» [1, с. 73]. Данностями для него являются некие сущности чисто идеального характера, которые мы можем отрыть для себя и постигнуть с помощью феноменологической редукции [6, с. 51]. Можно выделить еще одну параллель с философией Э. Гуссерля – наличие горизонта. Правовая структура у него выполняет своеобразную функцию горизонта или смыслового предела сущностных характеристик предмета восприятия. В области права «правовые данности определяются Н. Н. Алексеевым и как то, что фактически дано, и как то, что предстоит получить в акте феноменологического созерцания и приложения к эмпирическим фактам модели правовой структуры» [Там же]. Знание о правовых данностях мы можем получить только в опыте нашего сознания.

В правовую структуру Н. Н. Алексеев включает такие элементы, как субъект или носитель обнаруживающихся в праве ценностей, сами обнаруживающие себя в праве ценности и основные определения, которыми характеризуется особое, специфическое, правовое отношение ценностей как между собою, так и к их носителям. Например, правомочия и правообязанности. Для него быть субъектом права не значит быть

юридическим деятелем, подобно тому, как это воспринимал юридический позитивизм. Если и говорить о субъекте права как носителе, то в каком-то ином смысле. А именно быть носителем права означает не только осуществлять правовые действия, но и быть признанной правопорядком ценностью. Быть признанными в таком качестве могут не только реальные юридические деятели. Правопорядок может одинаково считать ценностью и вещи, и человеческие цели, и различные выявившиеся смысловые содержания и коллективы. Особенности правового отношения к ценностям выражаются через понятие «признания». При этом под признанием он понимает особое отношение к ценностям, «*сводящееся к установлению интеллектуального общения с ними*» [1, с. 71]. Так можно «признавать» какое-либо произведение искусства, не обладая способностью интуитивно переживать его внутренний смысл.

Рассмотрение правовых ценностей и их признания занимает важное место в теории права Н. Н. Алексеева. Переживание индивидом ценности, глубина этого переживания являются основанием для различия между нравственным общением и юридическим договором. Если глубина эта значительна, если она соответствует ступени эмоционального переживания ценностей, мы имеем дело с явлением нравственным. Если глубина сравнительно поверхностна, если дело идет только об усмотрении ценности, о чисто интеллектуальном соображении последствий, мы имеем дело с явлениями правовыми. В переживании права формируется правовой опыт, который кристаллизуется в правовых ценностях. В итоге право – это определенный уровень восприятия ценностей. «Право есть “интеллектуальный” подход к ценностям, а не эмоциональный. Но в то же время право есть *область ценного*, – и это обстоятельство решительно отграничивает его от области чисто теоретических истин, т.е. от того, что по существу своему не открывается в актах любви и заинтересованности» [Там же, с. 70].

Для Н. Н. Алексеева правовой опыт является особым взаимодействием субъекта с правом в виде правовых данностей, первичных правовых фактов и правовых ценностей. Он формируется в процессе взаимодействия с другими носителями права, осознанно дан нам в ситуации переживания неправа. Опыт права, который индивид получает в процессе открытия правового, не является чувственным или эмоциональным опытом, это чистый интеллектуальный опыт нашего сознания о праве.

В XX веке происходят значительные изменения в трактовке опыта, и главное – признание значимости субъективного начала опыта. Введение элементов сознания в научный дискурс привело к тому, что произошел исследовательский поворот к опыту в его неклассическом понимании. Реальность мира в его различных уровнях (культурном, правовом и т.д.), в соответствии с феноменологической установкой, дается нам только через сознание. Данный подход демонстрирует общность идей в философии и праве в раскрытии опыта. Он предстает в феноменологии в двух значениях – как опыт сознания (внутренний опыт *Я*, выражаемый в актах сознания, в ценностях) и как опыт взаимодействия с другими *Я* («жизненный мир» у Э. Гуссерля и признание, правопорядок у Н. Н. Алексеева). Внешний мир, знание о других *Я* не дается нам напрямую. Мир в самых разных своих значениях (в том числе и в правовом аспекте) дается нам через переживание.

Список литературы

1. **Алексеев Н. Н.** Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 256 с.
2. **Антонов М. В.** Мир права Г. Д. Гурвича // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избранные сочинения / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та; Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 10-41.
3. **Гуссерль Э.** Введение к лекциям по феноменологической психологии // Логос. 2014. № 4 (100). С. 187-214.
4. **Гуссерль Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академический проект, 2009. Книга первая. 489 с.
5. **Гуссерль Э.** Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн. – М.: Харвест; АСТ, 2000. 752 с.
6. **Пантыкина М. И.** Феноменологическая методология: опыт исследования права. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 240 с.
7. **Покровский И. А.** Основные проблемы гражданского права. Петроград: Издание Юридического книжного склада «Право», 1917. 327 с.

PHENOMENOLOGICAL UNDERSTANDING OF EXPERIENCE IN PHILOSOPHY AND THEORY OF LAW

Davletshina Anna Maratovna
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
davletshina.anna@gmail.com

The article discusses the turn to experience, which occurred in the XX century in connection with the inclusion of new objects – the phenomena of consciousness – in the scientific discourse. The aim of the article is to consider the non-classical understanding of experience and legal experience represented in the phenomenology of E. Husserl and the phenomenology of N. N. Alekseev. New phenomenological interpretation of experience in philosophy and law as experience of consciousness (the inner experience of I, intentional acts, values) and as experience of interacting with other Is (vital world, recognition, law order), which is given to us through trial, is revealed.

Key words and phrases: experience; legal experience; phenomenology; intentionality; trial; vital world.